

С 792-УВ

М. Стельмах

С-792-УВ
283537

УКРАИНЕ ВОЛЬНОЙ ЖИТЬ

Огиз
Гослитиздат
1944

3 pyб.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00382984

0

1/

8(c2)2
miliat.

2/

10/12/

3289

с 792-у.в.
МИХАЙЛО СТЕЛЬМАХ

У к р а и н е
в о л ь н о й
ж и т ь !

*

ПРОВЕРЕНО
ИЮНЬ 1948 г.

ПРОВЕРЕНО
ИЮНЬ 1945

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1944

58

Перевела
с украинского
Наталья Кончаловская

СТЕЛЬМАХ

«Украине вольной жить!» — так называется книжка стихов Михайлы Стельмаха, — поэта, чей лирический герой ведёт родословную свою от трудовых поколений, исконно и издревле владевших счастливой украинской землёй. Пахари и сельские ремесленники — колесники (стельмах — это и значит в переводе — колесник), шорники, плотники — мастера на все руки, безымённые, но гордые творцы, хозяева жизни, — вот родня поэта, которую он помнит и славит. Это жизнелюбивые и добрые люди, радующиеся своему умению, плодам своего труда («Шорник», «Плотник», «На пасеке»).

Природа вольная и ласковая словно овевала его стихи тем чудесным ветром, что приносит отзвуки пленительных песен и сказов славянского запада. Не просто любовь — сыновнюю нежность к родимой природе, не просто привычку, а благородную страсть к труду, влюблённость в труд воспевают Стельмах, — и потому его стихи близки сердцу советского человека. Иные, новые ноты появляются в голосе поэта, когда он начинает говорить о войне, перевернувшей этот родной и прекрасный мир доброго труда. Здесь поэтический голос Стельмаха приобретает суровую силу. О великой, всенародной борьбе с заклятым врагом, о ненависти к

разрушителям автор книги говорит как истый хозяин своей земли — земли, опалённой огнём войны, но живой и побеждающей.

Из глубин фольклора, из старых украинских кобзарских «дум» всплывают образы борцов за народное дело — юношей, мужей, стариков. Три сына уходят от матери один за другим в смертный бой за отчизну; невредимо плывёт в бурю казак по волнам родимого седого Днепра; глядит в туманную, дымную даль старая мать и не устаёт верить, что придут с победой её сыны, а не придут — так песня о них придёт... Эти образы не надуманы, не подделаны под фольклор: они живы, в них органически слиты воедино старая песенная традиция и живое восприятие сегодняшнего дня. Здесь поэтическая традиция не заостенела, её оживляет та органическая связь исторического «вчера» и реального «сегодня», которая характерна для народного творчества. От чистых родников подлинного, не стилизованного фольклора питаются корни поэтического творчества Стельмаха; в этом сила его стихов, пусть иногда наивных, местами однообразных, но неизменно искренних.

По самому существу своему стихи, собранные в этой книге, оптимистичны, несмотря на глубокую печаль и трагизм военных мотивов. Не может не быть оптимистичным то, что жизнеспособно, что растёт из сознания или ощущения внутренней правоты, из привычки к постоянному творческому труду. Даже в самых страшных бедствиях в самых кровопролитных войнах в конечном итоге побеждает не разрушитель, а тот, кто противостоит чёрным силам разрушения, кто мстит за поруганную мирную жизнь, кто восстанавливает её заново. Так оптимистичен, по сути, фольклор потому, что собирательный автор фольклора — народ — бессмертен и полон добрых, трудовых творческих сил. Даже народные песни чёрных лихо-

летий, полные самой глубокой печали, не звучат безнадежностью, — в них всегда присутствует дыхание надежды, живое тепло. Жизнеутверждающими всегда оказываются произведения, написанные под влиянием народной традиции, связанные не искусственно, а органически с фольклором.

История великой отечественной войны ещё раз неопровержимо доказывает правоту народного оптимизма. Потому и особенно близки нам те поэты, пишущие на всех языках братских народов СССР, которые сумели пронести в своих стихах сквозь все ужасы и невзгоды небывало трагических лет ноту светлого жизнеутверждения. Автор книги «Украине вольной жить!» принадлежит к числу именно таких поэтов. Это — первая его книга, переведённая на русский язык, но она даёт ясное представление о творческой сущности молодого автора, с которым наш читатель знакомится впервые. Сборник стихов Михайлы Стельмаха, в переводах Н. Кончаловской, детально передающей поэтические замыслы автора и сохраняющей в большинстве случаев его характерные лирические интонации, составляется Государственным издательством художественной литературы в знаменательнейшие дни торжества Советской Украины, освобождённой от фашистских захватчиков. Так же, как лучшие произведения других украинских поэтов, книга «Украине вольной жить!» говорит о глубиннейших думах и чувствах вольнолюбивого, благородного украинского народа, который возвратился к свободной творческой жизни в семье советских народов.

А. Адалис

В М О Ё М К Р А Ю

УКРАИНЕ

Барвинком к тебе крестоцветным склониться,
Степным ветерком осушить твои слёзы,
Обильным дождём над тобою пролиться,
Костром разгореться в крещенских морозах.

К тебе бы причалить весельцем кленовым,
Рекой протекать по родимой долине,
Чтоб ты поднималась зарницею снова,
Чтоб ты расцветала, как вишня, отныне.

Ни крови, ни сердца не жаль мне, родная,
Чтоб ты вырастала в довольстве и счастье,
А если я пулю в бою повстречаю,
Я камешком лягу, не должен пропасть я.

В степи золотистой я стану криницей,
Близ нового дома дубком разрастусь я,
Созрею колосьями-ярой пшеницы,
И песней казачьей вдали отзовусь я.

ПОЛЕ

Такая рожь, что не достать рукою,
Такая синь, что грудью не вдохнуть.
И это поле стало полем боя,
И солнце, трепеща, на миг прервало
путь.

Быстрее, чем звёзды в небе высыпает,
Срываются с пригорка танки в бой,
И вот земля навстречу простирает
Своим бойцам и пахарям избыток свой.

И танки вздыбились перед хлебами,
И каждый танк—окаменевший страж.
И брызнул колос на броню слезами,
Окаменело сердце, как столетний краж.

И вдруг своё мгновенье догоняя,
Рванулись танки в хлебные поля,
И для счастливого, другого урожая
В израненную грудь взяла зерно земля,

1941

КРАСА МОЯ

Краса моя, полесские озёра,
Кленовый сок слезою на коре.
Не нагяделся я в твои просторы,
Ни в день, ни в ночь, ни утром на заре.

Не находился я за плугом в поле,
И в Петровки не накопился трав,
Не потерял кудрявых лет в раздольи,
Заветных дум своих не досказав.

Краса моя, ты нас, как мать, ласкала,
Купальский Здвиж-река, цветущий луг,
Ты кличешь нас: пора пахать настала,
А где наш конь теперь, и где наш плуг?

Конь воду пьёт днепровского истока,
Плуг перекован в саблю кузнецом,
А ты сынов своих зовёшь с востока,
К земле припавши горестным лицом.

1941

БОЕЦ

Недавно на задворках лозы
Рубил он на восходе дня, —
Чужих земель нависли грозы,
И двор — без хлопца и коня.

В снегах грохочет быт суровый
Вперёд! Аллюром в три креста.
И крошит звёзды конь подковой
И рвётся в беге темнота.

По синим вспышкам автомата
Боец находит тень врага,
И сабля рубит супостата,
И с храпом топчет конь снега.

Вперёд! К рассвету — за курганы!
Коня сжимает в шенкеля,
Под ним пятнистыми кругами
Плывёт и стелется земля.

Тугой, прищурившийся, в шлеме,
Он скачет, мчится немцу вслед.
И незнакомые селенья
Ему выносят соль да хлеб.

И, слыша плач и стон тяжёлый,
Он узнаёт в сияньи дня,
Что это всё — родные сёла,
И люди в них — его родня.

МОЙ ДОМ

Снегами радужной расцветки
Овраг отлогий запушён,
Плетут узор пушистый ветки,
И в тишине стреляет клён.

Дубы суровы, нерушимы.
Как стражи, к мельнице пошли,
И застилает звёзды дымом
Война, что вгрызлась в грудь земли.

Сквозь ветер — в логовище зверя
Мы посылаем сноп огня.
В седом тумане лес неверен,
Сыч дразнит хохотом меня.

Кому ты смерть вещаешь, птица?
Не знаю я, не знаешь ты.
В глаза игла мне хочет впиться,
Как старики, скрипят мосты.

Тревогу сердце вдруг забило.
И вот мы входим в чёрный сад.
Хмельная, нелюдская сила
С плеча срывает автомат.

Вперёд! Бегом! В родную хату,
Где мы росли в краю родном,
Как сердце, бросил я гранату,
И в яр обрушился мой дом.

ТЫ НЕ СПРАШИВАЙ

Ты не спрашивай, мама, надолго ль заехал
к тебе ненароком.
Конь стоит у ворот, высох пот на седле.
Рыбе лучше в прохладном Славуте, а сокол
в небе широком,
Казаку же—в походах больших на земле.

Ты не спрашивай, мама родная, какую дорог
держать на примете,
И очей не печаль на крутом берегу.
Час придёт и до хаты родной доведут все
дороги на свете
На утеху тебе и на горе врагу.

Не тужи, моя мама, что конь мой споткнулся
на правую ногу:
На жнивье накололось копыто коня,
А как топот услышишь, иди, нет, беги повстре
чать на дорогу
Либо я прискачу, либо конь без меня.

БИТВА

Взбешённые сабли скрестились клинками —
И быстрыми искрами степь зацвела,
Промчались без всадников кони степями,
И пеной кровавой дымят удила.

Подковами вражье растоптано тело,
И вытерта сабля охапкою трав,
И с грохотом молний небесные стрелы
Ложатся в колчан золотого Днепра.

Я РАНЕННЫЙ ЛЕЖАЛ

Я раненый лежал, окутан мглою,
На корне узловатом у сосны.
И звёзды зажигались надо мною
И гасли в волнах сумрачной Двины.

Стихал далёкий бой. В бору в тумане
Брела печально осень, как вдова,
Не мог я шевельнуться и глазами
Встречал её. Я знал, что кровь жива,

Но терпко стынет,—загустев, не плещет,
Земную горечь больше не поит.
А в вышине моя звезда трепещет
И в глубь речную кануть норовит.

И канула бы снегирём с вершины
Но солнце поднялось из-за села,
И Белорусь над сыном Украины
Натруженные руки подняла.

В госпитале

1941

СЕНТЯБРЬСКИЙ ПУТЬ

Сентябрьский путь и косяк журавлиный.
И небо пылает, и сохнет земля.
И солнце, как рана, зияет, паля,
И падает мёртвым в изгибы долины.
Тропы с Украины, пути с Украины,
Куда вы идёте, куда вы?
Грустят журавли над дубравой.
Не плачьте, надежды, глухими слезами,
Товарищ, не сохни, как пашни в полях,
О нас Украина рыдает ночами,
И небо пылает, и сохнет земля.

Оставили мы огорчённые зори,
Полжизни оставили, сердце же — всё.
А ветер разбитые крылья несёт,
Горячую грудь остужает на море.
Прощайте, Славуты сквозные просторы.
Пожары гнездятся на водах,
Горят на Днестре пароходы,
Плывут и горят и летят на пороги —
И ветер гусей краснокрылых пасёт.
Оставили молодость мы на дороге,
Полжизни оставили, сердце же — всё.

1941

НА ЧЁРНЫЙ ХОЛМ

Буксуют машины, измучены кони,
Впрягаются в пушки бойцы чередой,
Разбухшие шлеи дымят под рукой,
И пенится мыло в растёртой ладони,
Клубится и тает. И падают кони,
Ложатся в крови под колёса,
И тяжесть небесного плёса
Тревожит и давит, как давняя рана.
А время не ждёт, и ремни под рукой
Бренчат, словно струны в рассвете туманном.
Впрягаются в пушки бойцы чередой.

Как боль, как страданье, натянуты шлеи.
Иссохшие губы сжимает боец.
И звон молодых напряжённых сердец
Тяжёлые слышат в ночи батареи,
Тяжёлые дула взвели батареи,
По горло погрузли в болоте,
И рвутся на помощь пехоте,
И мнут под собой кольцеватые корни,
Где гнёздам гадючьим приходит конец.
На холм батареи взбираются чёрный.
Иссохшие губы сжимает боец.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Селенья нет. Лишь пепелища
Скрипят зубами чёрными в полях.
И ветер над золой не рыщет.
И мёртвый глаз погасшего угля

Уже земля запорошила.
Людей и тени не видать,
Вот разве выйдет на могилы
Твоя седая, сгорбленная мать,

Ещё взглянуть на край пустынный,
Ещё хоть раз проклясть врага,
Почуять ветер Украины,
Поклон отдать земле, что дорога.

Тоскуя, смутно видит око,
Слеза морщины бороздит.
Зачем стоит здесь одиноко?
Зачем всё на восток глядит?

И ждёт уж не тебя ли, сына,
Смерть оттолкнув плечом худым-худым,
Чтоб отомстил ты за руины,
Чтоб с битвы конь унёс тебя живым.

СЕСТРЕ

К лету ждала ты меня и обновы,
Матери шаль да на платье себе.
Где ж ты, сестра? И жива ли, здорова?
Может, подарка не нужно тебе...

В нашем семействе росли мы когда-то,
Медленны в слове и быстры в делах.
Может быть, враг беспощадный, проклятый,
Сжѣг твои косы тяжѣлые впрах?

В сумке военной линяет обнова,
Небо густое горит надо мной,
Может, вернусь я, но травкой шелковой
Жизнь над тобою пробьѣтся весной.
Где ж ты, сестра?

СНЕГА ЗАБЕЛЕЛИ

Снега забелели, и гнётся калина,
В пунцовых кистях, как в косынке цветистой,
Но что ж не выходит Оксана-девчина
Петь песни в дубраве, ломать эти кисти?

Не выйдет Оксана в овражек тенистый,
Лежит на снегу при широкой долине.
Застывшая кровь на косынке цветистой
Краснеет, как грозди на зимней калине.

1942

ЧАЙКА

Запылали поля, загорелась пшеница,
Тлея, каплет на корень горючим зерном,
В небе красном о детях печалится птица,
Пламя чертит она перебитым крылом.

И тоскуют иссохшие доли и нивы,
Чайка, плача, над старой дорогой кружит,
Может, чайкой такой моя мать сиротливо
Плачет, стонет в неволе, о сыне тужит.

* * *

Быть может, в полночь, в полдень, на рассвете
Мы припадём к челу родных земель.
И поцелуют женщины и дети
Потёртую солёную шинель.

Бойцы устало сядут близ могилы,
От всех былых тревог найдя покой.
Их вновь своею богатырской силой
Земля наделит щедрою рукой.

В МОЁМ КРАЮ

Ложусь я спать иль на заре встаю —
Всё чудится мне то, что знал когда-то:
Сад над рекой моей плывёт в моём краю,
Встают с долин в селе казачьем хаты.

И отзовётся дол широкой песнью той,
Что мать родная стлала в изголовье,
Когда в долинах день рождался золотой
И красовалось щедрым солнцем Придне-
провье.

Ложусь я спать иль на заре встаю —
Всегда и всюду чудится мне снова:
Бедняжка-мать печалится в моём краю
И ходит по ночам тайком в дуброву.

В овраге там замшелый в три обхвата дуб,
Столетия выстоявший в непогоду,
И там отец в землянке, старый лесоруб,
Оружье ладит, ждёт повстанцев из похода.

Куда б ни шёл я ночью, утром, днём —
Я вижу сквозь отроги гор и реки,
Что занимается заря в краю моём
И занимается навеки
В моём краю.

БУДЕТ ЛЮТЫЙ БОЙ ГРОЗОВЫЙ

Будет лютый бой грозовый,
Будет нечисть сметена,
Будут реки рвать оковы
И разверзнутся до дна.

Будут сабли-семицветы
В смертной плавиться игре,
Будут пули в битве этой
Звонко плакать на заре.

Будет мстить за Украину
Честным гневом весь народ,
Ни единый, ни единый
Враг от мести не уйдёт.

Будет лютый бой грозовый,
Будет нечисть сметена,
Будет в реки наши снова
Литься золотом весна.

Я ВОЗВРАЩУСЬ

Когда проснётся сон-трава в дуброве
И лебедь отзовётся вдалеке,
Земля предстанет в праздничной обнове,
Закружатся веснянки на реке.
Когда, забыв про голод и метели,
Пастух погонит стадо со двора,
Я возвращусь в задымленной шинели
В край сказочного нашего Днепра.
Пахать и сеять выйду в перелог,
И яровой обильный дождь прольёт,
И сердцу будут видаться дороги,
Где юность-счастье ходит и поёт.
И на дорогах песни я узнаю,
Что входят в сердце, не искав пути.
Суди нам, Украина, мать родная,
В твой праздник эти песни принести.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Журавли поднимаются в просинь,
Засветились озёра до дна,
Ветер крылья разводит, и осень,
Сердцем чую, не осень — весна.

Ой, сентябрь, ты праздник с громами,
И под радугой поле вдали...
Припаду и коснусь я губами
Долгожданной отрады-земли.

На челнах поднялось наше счастье,
И живые просторы ясны,
И святее святого причастья
Будут капли днепровской волны,
1943

ДНЕПР

Как дошёл Морозенко Иван до Днепра,
Ни парома не ждал, ни челна,
Лишь припал он к воде, что чиста и
быстра,
Причастился, поплыл по волнам.

Ледяная струя потеплела тогда,
Будто волны вокруг улеглись.
И в бурлящей стремнине притихла вода,
Берега с берегами сошлись.

Отчего?
Сына Днепр признавал своего.

1943

РАДОСТЬ-ЗЕМЛЯ

Радость-земля моя, запах медовый,
Золото ливней и рек серебро,
Только тебя увидеть бы мне снова, —
Больше не надобно мне ничего!

Только ребёнком прижаться к тебе бы,
Только б до струй прикоснуться Днепра,
Греться под солнцем воскресного неба, —
Большого в жизни не нужно добра!

Поле пахать бы мне целыми днями,
Сеять хмельную пшеницу и рожь,
Ночью под звёздами спать меж возами, —
Большого счастья ищи — не найдёшь!

1943

* * *

Ещё добра и света будет много,
Минует время крови, слёз!
В горшки наточим соку молодого
Из нежных молодых берёз.

И не вместить тогда сердцам отраду,
Мы встретим на заре родных,
И возле жён бойцы любовно сядут,
И возле матерей — сыны.

Светлицы снова зеленью повиты,
Посеют счастье над Днепром.
И вся земля, в кудрявых волнах жита,
Нам станет радостным столом.

1943

ВИШНЯ ЗАЦВЕЛА

В обувке старой я из дома вышла,
Когда звезда с небес упала в брод,
В саду мне в пояс поклонилась вишня,
Стояла я, смотрела на восход.

Зачем заснеженные тополя трепещут?
Зачем вскипает подо льдом река?
Зачем заря над полем ярче блещет
И песенка звенит издалека?

Не знала я. Но радость, не печали
Вещало сердце. Вёдра я взяла
И коромысла. В зыблущейся дали
Звенел ручей. Я по воду пошла.

И всё мерещилось мне, что куда-то
Зима свернула на весенний след,
Что горе-горькое не плачет в хатах
И что врагов проклятых больше нет.

Крута тропа. В раздумьи яр глубокий,
Бьют подо льдом живые ручейки,
В бору откликнулся обрыв высокий.
Взметнулись из расщелин казаки

Да берегами понеслись крутыми,
Дорогами помчались до села,
Я вёдра бросила, бегом за ними,
Руками стиснув, сердце я несла.

И солнце чисто вспыхнуло в привольи,
Я добежала яром до села...
Народ идёт. Встречают с хлебом-солью,
И вишня возле хаты зацвела.

УКРАИНЕ ВОЛЬНОЙ ЖИТЫ

День погас в долине над Десною,
По крутым волнам идут челны.
Ты, звезда, поговори со мною, —
Где твои свободные сыны?

Где гуляют, на какой сторонке?
Мать, горюя, на закат глядит...
Может, ночью под копытом звонким
Старый путь черниговский гудит?

Выезжают парни в полной силе,
Пададь вражью под конями мнут.
Кони ржут под стенами Путивля,
Новгороду-Северскому ржут.

И рыбацк свой невод топит новый,
В плавнях ждёт разбойника в челне,
Украина, край ты наш вишнёвый,
Ты горишь и борешься в огне.

Наточили нож казачьи дети,
Гибнет враг, истерзанный и злой.
Украине вольной жить на свете,
Если солнце всходит над землёй!

Если плещутся, играют воды,
Если небу вечно синим быть, —
Украине за годами годы
И от века и до века жить!

1943

ДУМЫ И ПЕСНИ

ДУМА ПРО ПАХАРЯ

Ещё полынью прелый снег настроен,
 И пахнет он кореньями, вином.
 А Днепр уже шумлив и беспокоен,
 Несётся с песней к морю напролом.

Доспевшим садом небо над тобою,
 В рыбацью сеть плывет Волосожар¹,
 И на поля самóй красой земною
 Выходит мощный пахарь-плугатарь.

Он до земли дотронется рукою,
 Впивая жадно урожайный дым,
 Впитавши сок древнейшего настоя,
 Земля вздохнёт одним дыханьем с ним.

Рассвет его встречает журавлями,
 И солнце катится, как хлеб крутой,
 И пахарь плуг возьмёт, лемех оглянет, —
 Звенит земля под первой бороздой.

¹ Волосожар — созвездие Плеяд (украинск.).

О пахарь мой, властитель родовитый,
Гостило солнце за твоим столом,
Хмелели реки, стиснутые житом,
Вызвездивалась ночь твоим зерном.

О пахарь мой, хозяин мой могучий,
Зачём печальна вся твоя семья?
Ползут не небом, а землёю тучи,
И, хмурый, ты садишься на коня.

Твой дед седой с отцом выносят сыну
На выбор сабли щорсовых боёв,
И горсть земли, зашитою в холстину,
Положит мать на сердце на твоё.

— Ты, нива, праведным умыта потом!
Ты под защиту пахаря возьми...
А солнце всё плывёт, плывёт над бродом
И долго не прощается с людьми.

Ветра и снег скрестились в поле тёмном,
Земля покрыта ранами вокруг,
В пырьём поросших бороздах бездомно,
Как сирота один, ржавеет плуг.

Лишь тучный ворон вынырнет из тучи,
И в плуг стучит его кровавый клюв,
И слышен сабель перекрёст кипучий,
И лес трепещет, в боли потонув.

Ворвался пахарь в стоптанное жито,
И свист горячий сабля подняла,
И конь взмахнул подкованным копытом,
И вражья кровь с копыта потекла.

Не час, не два во тьме опушки дремлют,
В клинках рассвет сияет горячо,
Аж по колена конь упёрся в землю,
И в трупах вражьих конь твой по плечо.

Как гром священный воробьиной ночью,
Врубался пахарь в чужаков из мглы,
И сабля рубит волчью сыть на клочья,
Зверей зовут на пиршество орлы.

И кормит птиц на дереве Недоля,
Встаёт земля над выжженным селом.
О, русская земля, родное поле
Уже встречает воина Днепром.

И голоса девичьи над Дунаем,
От Киева до моря долетев,
Зовут тебя рубить врага до края,
Чтоб не улёгся в берега твой гнев.

Пока земля, политая дождями,
Не зазвенит, под бороздой взрыхлев,
Пока в лучах не поплывёт над нами
Крутое солнце, словно добрый хлеб.

1942

ПРОЩАНЬЕ

Гудит Полесье тяжкой песней сосен,
Челном всплывает месяц в невода,
В рассвете близком, в колыханьи вёсел,
Вишнёвой пряжей плещется вода.

— Плыви до хаты, мой сынок Иване!..
Плыви... — Разносит ветер среди лоз.
От материнских слёз осока вянет,
Вздыхает ночь от материнских слёз.

В тоске застыла ты над берегами,
А на кресте чернеющих дорог
Скрипят колёса в полночь лебедями,
Об землю бык, ревя, ломает рог.

Ребячий плач. Шагают деды трудно,
И матери, как призраки, идут,
И пахари с берданками. И трубно
Ревёт скотина, чувствуя беду.

Как лебеди, скрипят в лесах колёса.
Прощай, село! Прости-прощай, село!
А ты стоишь, ждёшь сына из-за плёса...
И вот в тумане хлюпнуло весло.

Твой сын родной, детина хромоногий,
Зелёным ериком всплывает в сад,
Хромая, вылезает у дороги,
Берёт с собой горбатый автомат.

Ты плечи сына обвила руками:
— Дитя моё, в леса уйти пора, —
Вдали скрипят колёса лебедями,
Печально бьют поклоны явора.

— Садитесь в чёлн! К делянкам
поплывёте,
А я в последний раз пройду селом. —
Вода грустит. Звезда в водовороте
Никак поспеть не может за веслом.

Мать уплывает, как во сне когда-то.
Мелькая тенью, чёлн плывёт к лугам.
Село молчит, ты ковыляешь в хату,
Твой конь тебя учуял по шагам.

Рванулся к стенке, и зрачки метнулись,
И ржанье далеко отозвалось.
И в пустоте тяжёлых, мёртвых улиц
Испуганное эхо пронеслось.

Ты запрягаешь в бричку вороного,
Колёса режут серебристый луг,
И два отряда вражеских сурово
Втекают клином в чёрный крест дорог.

Они казнили в Киеве, в Полтаве.
Расстрелянный лежит в яру твой брат.
Хромую ногу тяжело оставив,
Ты прямо с брички взводишь автомат.

И русский чуб поникнул над бровями,
Приклад согрет теплом твоей руки,
И вспышка. Сине-розовое пламя,
И строгий ряд порвался на клоки.

Заныли пули в плещущей пшенице,
Мертво ныряют каски в пыль дорог,
Твой конь из улиц в поле, словно птица,
Летит стремглав, летит, не чуя ног.

Весенним громом катятся колёса.
«Прощай, село! И жди меня, село!»
Хлеба взлетают лебедями к плёсу,
И солнце снова над тобой взошло.

1942

КАЗАК ГРИГОРИЙ ТРИВОЛЯ

Максиму Рыльскому

Из отпуска в полк возвращался Григорий
Триволя,
Казак молодой, что дубок, но бывалый в боях.
И тучи спешили навстречу, темнело раздолье,
Дорога в неизвестность клубилась, мчалась
в холмах.

Клонясь на терновник, берёза лететь
собиралась,
И корень узлами пробился в песке золотом,
Слепяще зарница зажглась и над плёсом
промчалась,
И светлыми блёстками вниз опрокинулся гром,
Не в пору скатился на пахнувший сотами вечер.
Григорий коня отпустил в потемневший овраг.
И вдруг спохватился он: конница мчится
навстречу,
И саблями дождь рассекает над конями враг.

«Эге, немчуры привалило! Да больно уж много,
Березник за ними шумит, словно волны
в разлив.

Они, говорят, на прогалинах биться не могут»,—
Подумал Григорий, на немца коня припустив.

Заметили немцы. Казак отскочил на лошину,
И взмах неширокий на немца из зарослей лёг,
И всадник обмяк, протянулся на конскую спину;
Легонько ударил Григорий: он силу берёт.

А конница мчалась густым вороньём из-за тучи,
Стонал под подковами чуткий и сумрачный лог,
Прищуривши веки, Григорий рукою могучей
Отвешивал саблей и прямо и наискосок.

А круг всё сужался, и сабли мерцали,
тупились,
И лязгали с силой, исполненной вражьего зла.
Храпя, одичавшие кони в лесок уносились
С разрубленной ношей. И криками полнилась
мгла.

А гром отгремел. Покачнулися звёздные дали,
И немцы озлобленно саблями бьют наугад.
Не сабли, а пуля под сердце казачье попала;
Григорий рубнул напоследок и рухнул назад.

Ремнём сыромятным Триволю к стволу
прикрутили,
В печали склонился деревьев зелёный венец, —
И жгла его тяжкая мука: «Хватило бы силы,
Смеясь над врагами, достойно принять свой
конец».

На дубе замшелом сочились морщины слёзами,
И выплыла мать возле хаты, в туманной дали.
Вот в спину казачью ударили немцы ножами —
И кожа ремнями повисла до самой земли.

Печальные звёзды над ним заплетались венками,
Под ноги ложилась пахучей Украины грудь,

Казак усмехнулся и выси окинул глазами:
«Слышал я, что больно. А мне вот не больно
ничуть».

Суровый рассказ этот мы в лазарете слышали,
Лекарствами пахнул в палате вечерний покой.
И молвил сосед мой: «Вот братья-то как
умирали,
Суди же нам доля и жизни и смерти такой».

ЗАСТОЛЬНАЯ

За лётчика в небе лучистом,
За славных матросов на море,
Мой друг, за тебя, за танкиста,
За солнце, за звёзды, за зори,
За радость, что стлалась по нашей земле,
За нашего Сталина в нашем Кремле —
Не чарку, а саблю поднимем высоко,
Чтоб враг был повержен навек!

За девушки взор кареокий,
За мать, испытавшую горе,
За берег Славыты высокий,
За мирную хату в подворье,
За звёзды, что ночью в кринице горят,
За стройную песню — напев Кобзаря —
Покатим снегами не бочки, а пушки.
Чтоб враг был повержен навек!

За воздух раздолья счастливый,
За ветви зелёной дубровы,
За шёлест взволнованной нивы,
За лепет детей чернобровых,
За песни Купалы, что выются в венок,
За чистый, звенящий клен-дерева сок —
На конях в бураны мы выедем снова,
Чтоб враг был повержен навек!

КАЗАЧИЙ ЗАПЕВ

Пусть сердце и глаз не изменят в боях.
Для смерти — минута, для жизни — века,
Вставайте, казаки, грозою в полях,
Чтоб мёртвые немцы ложились на шлях.
Да славится жизнь!

Нас ждёт, не дождётся Славута-река,
И матери старые ждут на горе,
И дети нас ждут, и могила горька,
Быть может, заветная машет рука.
Ты к ним торопись!

На ранней заре и на поздней заре,
Пусть всюду врага твоя сабля найдёт,
Пусть хлебом и солью в литом серебре
Поклонится счастье тебе на дворе,
И солнце взойдёт!

ТРИ ЗАПЕВА

1

Не рыдай, мать-земля, ты Днепра
 не наполнишь слезами,
Ты казачьими саблями реки в разлив поднимай,
Ты царь-дубом взойди, царь-горой подымись
 над путями,
Ты из тучи, как молния, грозный свой меч
 вынимай.

2

Не туманься, земля, налитая дымами до края,
Из-за Дона встают твои дети, их нету смелей.
Будут сеяться пули отборным зерном урожая,
Погуляет рука над кровавою жатвой полей.

3

Подымайся, земля, словно солнце на щедром
восходе,
Яровыми в полях и в бору поднимись дубняком.
Твое счастье подходит, спешит за бойцами
в походе,
И в надежде трепещут обломки мостов
над Днепром.

ПАРТИЗАНСКАЯ

Не пахалось наше поле
Светлыми плугами,
А пахалось наше поле
Саблями, клинками.

Засевалось наше поле
Пулями средь ночи,
Вороньё садилось в полдень
На казачьи очи.

Ходит мать над мёртвым полем.
Вороньё гоняет,
А жена на перепутьи
Рученьки ломает.

На коня сестра садится:
«Будьте же здоровы!
Попытаю своё счастье
В рощах, да в дубровах.

Добрый вечер, бор зелёный,
Будь мне другом милым,
Дай мне силу в мои руки
Против вражьей силы!»

СЫН ИДЁТ НА УКРАИНУ

Ты послушай, мать, ночами,
Как земля гудит ветрами,
Небеса гремят громами,
Солнце входит воротами,
А пути звенят копытом,
А рассветы плещут житом.

Мать прислушивалась к грому,
Возле хаты, возле дому,
Возле клёна, яворочка,
Простояла три денёчка,
Прислушивалась три ночи,
Проглядела свои очи.

День четвёртый наступает,
Тучу молния пронзает,
Тучу молния пронзает,
Чёрный немец отступает,
Чортов немец отступает,
Пеплом поле устилает.

Отступает ночью хмурой,
Воют волки серошкурый,
В поле пададь остаётся,

А над нею ворон вьётся,
Тело он клевать не хочет, —
Он выклёвывает очи.

День четвёртый хмелем веет.
Солнце в поле землю греет,
Через речку чистым бродом
Сын её идёт походом,
Да домой не завернёт он:
Гонит немца, немца бьёт он.

Возле клёна, яворочка
Заждалася мать сыночка.
А дорогой в наши сёла,
Там войска гудят, что пчёлы.
Сын идёт на Украину,
И не остановишь сына.

1943

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

Не одна дорожка в чистом поле
Нашему Миколу,
Хлопу молодому.

Не одна дорожка в поле — много,
Каждая дорога
Доведёт до дому.

Гей, да будут зори чисты, чисты,
Воины-танкисты
В сёла возвратятся.

Отворяться будут двери сами,
Ворота — ветрами
Будут отворяться.

Будут ветки яблонь спозаранку
Рассыпать на танки
Тёплую порошу.

Спрыгнет с танка наш Микола в поле,
А навстречу — доля
С девушкой хорошей.

1943

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Как в лесочке на дубочке
Привязали люльку дочке.
Положили спать Алёнку,
Чтоб не плакалось ребёнку.
Ветер веет, повеваает,
Ветер люлечку качает,
Солнце светит, солнце греет,
Солнце доченьку жалеет.
Дождик песенку поёт
Про себя да про неё.

ВЕСНЯНКА

Разлилися воды
На четыре брода.
А что в первом броде
Свет гремит громами,
Грозными громами
По-над ворогами.
Во втором-то броде
Молния сияет,
Молния сияет,
Счастье предвещает.
А что в третьем броде
Кони звонко ржали,
Красные казаки
Ворога рубали.
А в четвёртом броде
Войско едет в сёла,
И светлеет небо над землёй
весёлой.

1938

КУПАЛЬСКАЯ

За зелёной рощей
Месяц полунощный,
То ли месяц ясный,
То ль Иван прекрасный?

За берёзой белой
Звёздочка зарделась,
То ль звезда восходит,
То ль Оксана бродит?

Звёздочка да месяц
Встретились с рассветом.
Ой, пора Ивану
Ожениться летом!
Ой, пора!

ПЕТРОВЧАНСКИЕ

1

А что наше поле, поле, что невеста,
Заплетаёт в косу ярую пшеницу,
Ярую пшеницу, сладкую гречиху.
В гости зазывает девушек с серпами:
«Час-пора, девчата, засверкать серпами
И снопы тугие повязать на поле.
Да плести под вечер там венки цветные,
Поджидать с дороги молодцов хороших».

2

А что наши реки серебром разлились,
Жемчугом белеют, золотом вскипают,
Золотом вскипают, парней созывают
В голубые плёсы, в заводи хрустальные.
«Час-минута, парни, погулять с косою,
Погулять с косою по траве шелковой,
Молодое сено покидать на копны
И возить возами своё счастье в сёла».

ЩЕДРИВКА

Ой, рано-ранёхонько на ранней заре,
Ой, брала Маруся водицу в Днестре
Да ведёрками кленовыми,
Да с покрышками дубовыми.
Повстречались ей казаки возле хатки,
Загадали ей казаки три загадки:
— Что летит шибче буйного ветра?
Что цветёт по лесам краше цвета?
Что полями идёт словно солнце?
— Вестка добрая мчит шибче ветра.
Ваша слава цветёт краше цвета.
Наше войско идёт, словно солнце.

ТЕЛЯТА

(Полесская песня)

Только я из хаты —
И бегут, бегут телята
По муравке-мураве,
Через ров да по траве
И за мною.

Ждёт хороший, любый
Возле речки, возле дуба.
А телята тут как тут,
И пройти мне не дают
По дорожке.

Я бегом травую,
А телята вслед за мною,
А навстречу друг идёт,
Он коня поить ведёт
И смеётся.

1940

СМОЛОКУРЫ

Моих прапрадедов убогих
Гнала судьба в лесную мглу,
Они далёко от дороги
Курили дёготь и смолу.

В седом бору на корнях спали,
Их чаща прятала, как мать.
В Полесьи смолокуры стали
И плуг и пашни забывать.

И солнце капало слезами
На ружья и на древки пик,
И недоверчиво глазами
Туманный бор сверлил старик.

Под дубом чахнули ребята,
Дед опустился на пенёк:
— А что, сыны, построим хату,
А панам — лихоманку в бок!

Нас в дебрях пан вовек не сыщёт,
Мы тут укроемся от псов! —

Взлетели дружно топорища,
И брызнул тёплый сок стволов.

Приходит радость, чуть заметна,
От хаты пахнет, как от сот,
Нахмурился старозаветный
Из тёмного угла киот.

И, вспоминая пашни в поле,
Вокруг стола сидят сыны.
Вдруг выстрел. И шепотку соли
Прапрадед выронил: — Паны!..

Не пановать панам над нами! —
Схватил он пику и топор
И, раму выставив плечами,
Через окно метнулся в бор.

И заиграл в тумане хмуром
Крест-накрест саблею гайдук,
Но пал, разрублен смолокуром
И саблю выпустил из рук.

Давно развеялись туманы,
И солнце ввысь пошло быстрее,
И не болели больше раны
У смоляных богатырей.

И каждый был угрюм и чёрен,
Испачкан кровью и смолой,
И первым батька пал на корень,
Что ворохнулся, как живой.

Уже едва стучало сердце,
Но крепко сжат в руке топор.

— Жизнь не всегда дороже смерти.
Сыны мои... Врагам — отпор...

Рубитесь насмерть с подлецами,
Чтобы не гнул вам шеи пан... —
И кровь ударила ручьями
Из девяти горячих ран.

Сломила силу злая сила,
Шагает смерть лесной травой,
Навеки храбрость опочила
Под дубом в балке боровой.

Уныло цокали подковы,
Кровавый след оставил воз,
Берёзы плакали, как вдовы,
А у вдовы не стало слёз.

Берёзы белыми крестами
Простёрли ветки до небес;
Худые дни текли за днями,
Стонало горе, словно лес.

А дети быстро подрастали
Под гул оплаканных дубров,
Чтоб расплатиться за печали,
За братьев кровь, за кровь отцов.

1939

В ЛЕСАХ ПОЛЕСЬЯ

1

Звезда трепещет, в небе тая,
И розовеет небосвод,
Стрекочет сойка голубая,
И по снегам рассвет бредёт.

Надела свежая пороша
На сосны шапки поутру.
— Вставай, казак! Иль сон хороший
Тебе привиделся в бору?

Лесник снимает рукавицы,
Сметает мёрзлый снег с сапог:
— А ну, поставь-ка, молодица,
На стол соленья да пирог!

Таким, слышь, ветром закрутило, —
Что говорить — погода зла.
Ты б нам вина с девятисилом¹
По чарке, жинка, налила!

И он садится, сбросив шубу,
Широкоплеч и коренаст.

¹ Девятисил — травка, на которой настаивают вино.

В лесу шагают лесорубы,
Хрустит под сапогами наст.

Я, щурясь, выхожу из хаты.
Летят снежинки в мой рукав.
И эхо ринулось куда-то,
Пугливо лесом пробежав.

2

Вот эта глушь мне подарила
Избыток сил и острый слух,
И звонко распевают пилы,
И эхо ахает вокруг.

За то, что паренька растила
Сосна, украсившая бор,
Зубастые точу я пилы,
Брусом точу я свой топор.

Зато я сам приду весною
Порубку эту корчевать.
Любовно выращенный мною,
Мой дуб здесь будет вековать.

3

Я керосином промываю
Пилу, покрытую смолой,
И до заката, как живая,
Она зальётся песней злой.

И к вечеру — рука устала,
А в мыслях близится село.
Из леса солнце в луг упало
И спать за Тетерев пошло.

Иду я в хату с лесниками,
На койку падаю. Рябит,
Мелькает темнота пеньками,
А лес шумит, шумит, шумит.

И снится мне моя живая
Полесья дивная краса,
И, словно солнце доставая,
Встают на вырубках леса.

1939

НА ПАСЕКЕ

С колхозной пасеки в долину
С густых садов подкралась тень.
Буханку хлеба и вошину
Под вечер я несу в курень.

Иду гречихою румяной,
Что закипает на ветрах,
Мой дед стоит с янтарной рамой,
С медовой рамой на руках.

Ползут клубком гудящим пчёлы,
И, в сотах солнцем заиграв,
Полями пахнет мёд тяжёлый,
И в нём таится сила трав.

Старик обходит ульи тихо,
Трутнёвку срежу я ножом,
И пчёлы в красную гречиху
Колючим падают дождём.

Накинув сетку, терпеливо
Сбираю в решето рои...
Вот тут в лесах плывут счастливо,
Плывут, как в сказке, дни мои.

Из кряжа я долбил дуплянки,
Растил сады за годом год,
А день придёт — и спозаранку
Нальём мы с дедом в кадки мёд.

Сдадим их ездовым завзятым
На добрых кóнях вороных,
Чтоб развезли наш мёд по хатам,
Съезжая к ним с дорог лесных.

И может, где-то в час обеда,
Дежу кленовую подняв,
Добром колхозник вспомнит деда,
А чернобровая — меня.

1940

ПЛОТНИК

В тумане вёсла плещут зычно,
Река проснулась, ожил лес.
И плотник с долотом привычным
Идёт работать под навес.

Луга по край водою полны,
До самых пашен бьёт волна,
Меж кряжами долбит он чёлны, —
На то пришла весна-красна.

Работает и вспомнить любит,
Чем жил он на своём веку.
К нему с полей приходят люди,
И чёлн спускается в реку.

Волна в большие вёсла хлынет,
Бьёт под уключиной вода.
Куда ж уносит вечер синий
Его работу и года?

Лишь песня с утренней прохладой
Десною приплывёт в село:
— Ой, привезут мою отраду
То ли седельце, то ль весло!

1939

РОДНЯ

Обойдя вокруг озимых пашен,
К хате след теряется в бору.
Ободами пахнет в хате нашей,
Сок густой покрыл кору.

За работой старый стельмах¹ строгий,
Рядом спицы веером легли.
Мастерим, чтоб светлые дороги
Пели под колёсами вдали.

Дни плывут, приносят труд суровый.
И хожу я на закате дня
В смоляной пахучий бор сосновый,
Где живёт моя родня.

Где живёт народ хороший, честный —
Плотники мои и дегтяри.
Сколько вёсен я провёл чудесных
В разговорах до зари.

Лет на свете прожил я немного
В стороне глухих лесных озёр,
Там к сердцам людским нашёл дорогу,
Мир изведаль с этих пор.

¹ Стельмах — колесник.

Может, потому-то я без песен,
Без работы жить не мог бы дня,
Что весь мир вокруг меня чудесен
И в лесах — моя родня.

1940

САДОВНИК

Я приехал, дед, тебя проведать
И твоё ворчанье слушать рад:
— А чего теперь мне надо, деду?
Печь — зимой, а летом — сад.

Чтоб цвело, да пчёлы бы звенели,
Наливалось яблоко-ранет,
Говорили б за столом в артели:
«Складный дед! Живи сто лет!»

И пойдёт он мелкими шажками,
Вынимая пчёл из бороды,
Бродит под густыми саблуками,
Ищет веток молодых.

Прикопает их, и мало горя,
— Поднимайся в небо, — говорит, —
Слушай, как от степи и до моря
Яблонями край шумит.

Не спохватится, что солнце село,
Проплыла и тихо скрылась тень,
И заснёт старик под грушей спелой,
Позабыв про свой курень.

1939

ШОРНИК

Синь полотен необъятных
Режет молнии стрела,
Шорник с кожей сыромятной
Возвратился из села.

Ногтем выпрямил он складки,
Чтобы ровно швы легли,
Чтобы дратва шила гладко
Белый ремень для шлеи.

Колет шило со сноровкой,
След ложится тут и там,
И щетина скачет ловко
По наколотым следам.

Славно пахнет ремень мятый,
Воск зазубренный, смола...
И в постромках среди хаты
На узду шлея легла.

«Что сказать, шлея добротна», —
Молвит шорник сам себе,
В непогоду плачут окна,
Ветер зlobится в трубе.

В непогоду молний стрелы
Гибнут в зарослях травы,
И бегут по ремням белым
Ровно, зубчиками швы.

И шлея шлею сменяет,
Безупречна и нова.
«Знатный шорник, дело знает!
Завтра скажет голова.

Шорник сам с собой толкует,
Песню сам себе поёт:
«Запрягайте кóней в сбрую,
Сбруя кóней быстрых ждёт!»
1939

НА ПЛОТАХ

Крутит ветер вал высокий,
Пену в волнах разметав,
Нынче парни в путь далёкий
Выезжают на плотах.

Травы нам в лугах кивают,
Вол встречает поутру.
Пароходы проплывают
Лебедями по Днепру.

Мы за ними вслед водою
Проплываем в ранний час.
И зарёю молодую
Новый день встречает нас.

Тяжко хлюпают, вздыхая,
Ёлки, сосны, тёмный дуб.
— Братцы, каша неплохая! —
Крикнет старший лесоруб.

Бросив якорь в плоскодонку,
Мы влезаем на плоты,
Мы едим и хвалим громко
Кашеваров молодых.

Дни идут, полны здоровья,
Дни рекой плывут к весне.
С добрым утром, Приднепровье!
Что готовишь нынче мне?

Молвит май: — Готовлю встречу,
Быстрый чёлн и два весла,
Чтоб девчину каждый вечер
Не печалил край села.

1939

ЗИМОЙ

Лишь вихрастые метели
В белый шёлк оденут мир,
Добрых коней из артели
Запрягает бригадир.

— Хоть оно и к непогоде,
Да тебя хочу послать
Бук на Гетманском угоды
На полозья корчевать! —

А по мне того и надо,
В сани прыгнул, да и в путь!
Небо близко, небо рядом,
Ветерки метут, метут...

Вот плывет в сугробах вишня,
В голубую даль спешит,
А в лесу-то тишь-затишье,
Только дерево скрипит,

Да порою чёрный ворон
Каркнет где-нибудь вдали.
Бьёт топор под самый корень,
Что глядит из-под земли.

Затрепещет бук ветвистый
От корней и до вершин
И на синий снег зернистый
Боком падает один.

Лесом сумерки крадутся,
Небу вызвездить пора,
И буланные несутся
До колхозного двора.

Из столярни вышли люди
Бук на плечи поднимать:
— Тут полозьев много будет,
Не обидно чарку дать!

— Смастерим с резьбою сани, —
Ус погладил бригадир, —
И тебя с невестой сами
Отвезём на тёщин пир!

1940

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Я пойду ранним утром певучей дубровой
И дойду до широких полесских дворов,
Я с приветом явлюсь: как, мол, живы-здоровы,
Смолокуры мои, дегтяри из дубров?

Александр Коваленко с женой Катериной
Выбегают из хаты в густой березняк:
— А-а, Михайло пришёл! Не забыл,
моладчина,
Заходи же... А я поступил на тартак¹.

Катрю знаешь мою... Если что не по нраву,
Так упрётся... Тебе бы такую жену!
Долото я закинул чертям на забаву,
И теперь я пилою равняю сосну.

Да, стахановцем стать довелось мне под
старость,
Что сказать? Золотое моё ремесло!
Только Катря за чарку бранит меня малость...
А без чарки-то, знаешь, как нам тяжело.

— Ой, бесстыжий старик! А в газете читали?
Хвалят нас... Всё наладил старик, говорят...—

¹ Т а р т а к — лесопилка.

Александр хитро устремляется в дали:
— Да молчи уж... Хвалила сова совенят! —

Ты нам лучше достань невода из сарая
Да найди-ка большие рыбачьи штаны,
Мы из речки отменных линий натаскаем,
Кум линия изловил, вот тако-ой ширины!

Да горилки достань. Кинешь щепотку тмину...
Не кривись, не кривись!.. Серпорезом
заправь. —

Мы выходим в налитую солнцем долину,
Под ногами шипенье и чавканье трав.

Проплывают поля, и от хаты до хаты
Бьёт поклоны ячмень, словно радуясь мне,
Сколько солнца и ветра в широкой, богатой
И счастливой до края моей стороне.

1938

ВОЗЛЕ МЕЛЬНИЦЫ

Н. Кснчаловской

Возле мельницы у плёса,
Где шумят, шумят колёса,
Там кувшинки над водою
Ловят солнце золотое.

Старый мельник — у плотины;
По мосткам идёт девчина,
Гнутя доски над купавой,
Внучка гнётся влево, вправо.

— Не утопишь мне обеда? —
Отвечает внучка деду:
— Утоплю — сварю другую
Кашу здесь на берегу я!

Дед смеётся возле брода,
А с горы плывёт подвода,
А за ней вторая следом,
Их встречают внучка с дедом,

Возле мельницы у плёса,
Где шумят, шумят колёса...

1943

МАТЬ

Выбирала в зиму меж девчат невестку,
А судьба судила оседлать коня,
Как пошёл со Щорсом, так и нету вестки,
В дверь лишь ветер стукнет на исходе дня.

Чёрный ворон ночью над недолей плачет
И летит голодный в мёрзлые луга.
Ты сама заплачешь, чтоб слезой горячей,
Капнувшей в сугробы, растопить снега.

И тогда выходит младший сын из хаты:
— Всё горюешь, мама, сетуешь одна!
Не горюй, родная, вспоминая брата,
Наш Иван вернётся, лишь придёт весна.

На коне горячем он прискачет снова,
Щорса повстречаешь на своём дворе,
Вдосталь дашь ты кóням сена молодого,
Дашь воды казакам в новеньком ведре.

Над борами ветер крутится и злится,
Льдинами грохочет вдалеке Десна,
Мать вошла, сказала: «Вымерзла криница,
Под сосной в овраге вымерзла до дна».

Как идёшь с работы по тропинке мшистой,
Ягод собираешь средь лесной травы, —
С вышитой сорочкой, с ягодой душистой
Ожидают сына в хате у вдовы.

Блекнут на манишке яркие узоры,
Земляника тёмным соком подплыла,
В материнском сердце выросло горе:
«Только бы дожждаться... Всё бы отдала!»

Дождалась вдовица. Шёл туман от нивы,
Полз туман косматый по траве в село,
Конь во двор примчался, кровь свежа
на гриве,
Пулями прошито сбитое седло.

Подкосились ноги, всё плывёт куда-то,
Мать к седлу припала, опершись на тын,
Заскрипели двери, вышел сын из хаты, —
Под ружьём и в шапке вышел младший сын.

— Ну, прощайте, мама, вот и мне дорога
К Щорсу выпадает, к брату моему, —
Оглядела сына мать в печали строго,
Вынесла из хаты чёрный хлеб ему.

Звякнули подковы. Вьётся путь широко,
Стелется под ветром, горбится в полях,
Мать стоит в рассвете, снова одинока,
И немые слёзы капают на шлях.

1939

СЕЛО МОЕ

Село моё, в рассвете голубое,
И угольщик весёлый у косогора,
В лесной чаще встречусь ли с тобою,
Где со стволов опавшая кора
Ещё смолистый запах сохраняет
И вялого тепла пьянящий мёд?
Кукушка на дубу года считает,
Дойдёт до ста и сызнова начнёт.

Село моё — семья большая в поле,
Серебряная песня косарей,
Враг никогда и никакой неволей
Не покорит живой красоты твоей.
Катились в ночь в тоске твои колёса,
Курлыча на пути, как журавли,
И супостат, поверженный у плёса,
Не смог подняться с яростной земли.

Ударила на вражью силу — сила,
Туманами отяжелел восход,
Смолой и углем меченные вилы
Продавливали немца в топь болот.
И, уложив навек врага в болото,
Весь в напряженьи, угольщик идёт,

[illegible]

И видит он за вольною рекою
Трепещущую яблоню свою,
Своё село, нарядное такое,
Цветущее в повстанческом краю.

1942

ТЁТУШКА

Сочельник подходит. Горит подо льдами
В замёрзшей реке семицветный пожар.
С сестричкой мы к тётке идём берегами,
Несём ей в горшочках кутью и узвар.

В полесском дворе за забором тесовым
Навалены плашки и бочки в смоле.
И тётушка вышла, красуясь обновой —
Своим кожушком: — Вот и гости ко мне!

Замёрзли, застыли? Входите скорее!
Мороз-то под праздник, как сторож, стоит. —
И тёплым дыханьем она отогреет
Мариины щёчки и руки мои...

Так детство на конях промчалось лесами,
Рекой быстротечной уплыло в челнах.
Война по щекам побежала слезами,
И выжгли те слёзы рубцы на щеках.

В апреле с бойцами вернулся я снова
В края, что ветвями шумят в вышине.
Нас тётушка встретила ласковым словом:
— Зайдите, сыночки, погреться ко мне.

Тут ваши с пехотой. В лесу под горою
Я раненых утром замёрзших нашла,
Сама отходила теплом и травой, —
Тут немец стоял, мы ушли из села.

Я травы целебные смолоду знаю,
Бойцы поправляются в наших лесах.
Микола, яворко!.. Ой, ручка родная... —
И тётка седая склонилась в слезах.

СТАРУХА

Так и жить бы. Возле чистой хаты
Кости греть на солнце поутру,
Сказочку рассказывать внучатам
Про волчиху лютую в бору.

Где там! Не дожить до смерти тихо,
Вот сынов к оврагу провела.
Так война, страшнее, чем волчиха,
Летней ночью к хате подошла.

Ей штыком кололи грудь жестоко,
Каблуком дробили кости рук,
Но никто не скажет слов упрёка
Самой молчаливой из старух.

И, найдя травы за образами,
Заговаривала кровь она,
В темноте печалилась ночами,
На дорогу глядя из окна.

Дожидалась сыновей оттуда:
Не придут ли по тропам лесным?
«Может, примут! Борщ варить им буду.
Или старых уж не нужно им?»

Не дождавшись, побежала бором
По глухой тропинке меж ветвей,
И не видела, что в поле ворон
Выклевал глаза у сыновей.

ПАСЕЧНИК

Из ульев со двора, бывало,
Гречихой тянет в синий свод,
И липа песню рассыпала
В кипеньи золотых щедрот.

Холмы звенят овсом богатым,
И день в долине, точно мёд.
Из хаты с трутом ноздреватым
Старик на пасеку идёт...

То всё давным-давно пропало,
Лишь пепел стынет на земле,
Пчела в изгнании одичала,
Найдя пристанище в дупле.

Свой дом и улы вспоминая,
Дед одиноко вести ждёт,
К плечу винтовку поднимая,
Лишь хрустнет ветка, брод всплеснёт.

Идут повстанцы из похода,
— Ну, дед, хорош был нынче бой! —
И шапку лисью для почёта
Седой снимает часовой.

И говорят про бой горячий,
Где супостат костями полёг.
И он вздохнёт: вот неудача,
Он одного лишь подстерёг.

«Хотя б двоих...» А близкий вечер
Листом пожухлым шевельнёт...
И снова улы цвета гречи.
Гречихой тянет в синий свод.

1942

П О Л О В О Д Ь Е

ТЕБЕ, ВЕСНА!

В поле скину сапоги проворно,
Босиком за плугом я
Пойду.

Прошумели зори, словно зёрна,
И упали в молодом
Саду.

Дни переливаются дождями,
И зерно пригрелось
У земли.

Не стели дороги мне шелками,
А цветами густо
Устели.

Чтобы цветцу быть не пустоцветом,
Буйно завяжь на глазах
Взялась,

Чтоб гречиха пела тихим летом
И тяжёлым мёдом
Налилась,

Чтоб клубника ягодой весёлой
На земле зелёной
Родилась,

И в счастливой, вечной дружбе сёла
За столы садились
В добрый час.

1940

МАРТ

Восстали реки над лугами,
Где путь сольют, где разольют,
А в высях тучи лебедями
Из полыньи небесной пьют.

Леса застыли над водою
И смотрятся в речной поток,
И звонко бродит под корою
В берёзах чистый первый сок.

Налита солнцем и ветрами,
Взмахнула вёслами весна,
И разливается житами
Земля, душиста и хмельна.

И хочется весь мир счастливый
Исчерпать вёдрами до дна
И радостно засеять нивы
Богатством тучного зерна.

1940

АПРЕЛЬ

Натомились руки, находились ноги,
На земле приляжешь — сон хороший снится.
А пути покличут, позовут дороги —
Устремись в дали, быстро, словно птица.

Набухают почки хмелевым апрелем,
Голубиным пухом небо серебрится,
Отсветом прозрачным наливает зелень,
На земле приляжешь — сон хороший
снится.

Старый узловатый пенёк пошёл ростками,
И с краями вровень плещутся криницы,
Хороводят звёзды над селом венками,
На земле приляжешь — снится ли, не снится...

1940

* * *

Кто же почует этой ночью тихой,
Где по амбарам рожь, а где ячмень?
Наполнив воз медовою гречихой,
Мы с бригадиром начинаем день.

Бьёт конь копытом, радостно косится
На золотую сеть, что ткёт посев,
И в небе песню рассыпает птица,
И всходит просо на глазах у всех.

1940

ВЕСНЯНКА

Журавли курлычут. Гонят прочь
ненастье.

Звёздочками плещет голубой разлив.
Мы посеем просо — уродится счастье
На колхозном поле, на приволье нив.

Уродится счастье навсегда, навеки,
И стога до моря зазвенят зерном.
Молоком и мёдом разольются реки,
И дожди прольются золотым вином.

1940

ЛЕТО

Сизый дождь в луга спадает косо,
Поднялась река-краса.
День склонил тугие кисти проса,
День в крылатых лёг овсах.

Сеет дождь сквозь голубое сито,
Словно сеятель в полях,
На ветрах ложась, темнеет жито, —
Лето встретила земля.

Поклонился колос влево, вправо
И сказал весне: «Прощай!»
И, по пояс утопая в травах,
Вышел к нивам урожай.

1939

* * *

Как будто гуси, табунами
Осели сёла на сады,
И травы, полные ветрами,
Дугой согнулись до воды.

Лишь только ветерок повеет —
Летят колосья и плывут,
И земляника, пламенея,
Упала бусинками в пруд.

Пастушья песня над могилой,
И тучки плаваются вдали,
А день плывёт, исполнен силы,
Пропахший соками земли.

И в сказках, в царствах тридевятых
Таких не отыскать красот!
Наш дождь и наши земли святы,
И хлеб без горечи растёт.

1939

* * *

Проходит день, цветистый и богатый,
Река трепещет в солнечных мостах.
Как детвора в рубашках полосатых,
Качаются арбузы на плотах.

Согнулась вишня в нитках бус багровых,
Молочный дым в долине голубой.
Подойник мать несёт; и ей корова
Целует руку бархатной губой.

1941

* * *

Тревожатся лебеди в плавнях бессонных,
На дальних путях перекличка возов,
Напáдало яблок, душистых, огромных,
На жёлто-серебряный тканый покров.

Как крылья на взлёте, дороги широко
Спускаются в тихий, задумчивый сад.
Волы выплывают, и рдяным потоком
Течёт меж рогами у них листопад.

Возы, колыхаясь на травах росистых,
От сада до леса скрипуче поют,
Напáдало яблок, румяных, душистых,
На тропку мою, на дорогу мою.

1940

НОЧЬЮ

В бездонной сини млеют вишняки,
И бледный месяц ворожит на хатах,
Под звёздами ряды снопов чубатых
Стоят, как на гуляньи женихи.

Давно затих широкий двор, как мир,
И песня улеглась в яру соседнем,
Средь ночи возвращается последним
Немолодой, степенный бригадир.

Хлебов таких не знали до сих пор,
А урожай, — с таким на сердце славно!
В путь предрассветный ночь уходит
плавно,
Рокочут кобзы облачных озёр.

1940

ОСЕНЬ

На побелевший луг с холма сбегаю,
Ложатся пашни, в солнце захмелев.
Хрустит ледком капуста голубая.
Орехи градом скачут по земле.

Узорное ярмо с резной рогаткой
Тяжёлый вол упрямо тянет вниз.
И на возу антоновки в порядке
С шафраном смуглым рядом улеглись.

Идёт хозяин важно за волами,
В широкой шляпе, в мягких сапогах,
За ним дымят дороги ветерками,
Укропом пахнет осенью в садах.

1940

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Кто вышил дивные узоры
В полях, на чистом полотне?
Лазури светлые просторы,
В сияньи звёзд, как по весне.

И тень сквозит, и ночь шагает,
И песнь берёзы на лугу,
И песня девичья, другая,
Над снегом, может быть в снегу.

На ветряке играют снасти.
То сани — в поле, то их нет,
Быть может, мчит на кóнях счастье
Хороших, изобильных лет.

Быть может, юность по дорогам
Зимой навстречу мне идёт.
И принесу я песен много
Для ясных звёзд, для тихих вод:

— Прими их, край мой! И красую
Налей побегу от зерна!
Как славно, что земля зимою
Тепла, душиста и сильна!

ЗЕРНО

Ещё всё пахнут густо дни жнивьям,
И молотилки всё не отстучали,
А поле с новым, молодым зерном
Поплыло к солнечным причалам.

И посмотри, как поднялось в полёт
Моё зерно зелёною стрелою,
Красуется, не ведает покоя,
И снова мир его надежды пьёт.

Цвет отцветёт, и тёплым молоком
В полях от колоса литого пахнет,
Доспеет золотом и вновь зерном
Уляжется на материнской пашне.

Чего таиться, я и сам — зерно,
Посеянное любящей рукою.
Цвести, расти, не ведая покоя,
Мне родиной моей дано.

1941

ПОДСОЛНУХ

С жнивья к дорогам с долгим скрипом
Тянулись косяки подвод,
И повернулся жёлтым ликом
Подсолнух чуткий на восход.

Ему не верится, что лето
На копны отдохнуть легло,
И солнце, тучами одето,
Как сноп, скатилось тяжело.

Косяк подвод, пшеницей полных,
В туман окутавшийся брод,
А солнцу преданный подсолнух
Стоит и смотрит на восход.

1939

ЖОЛУДЬ

Дубы под вечер встали величаво,
Над ними звёзды плещутся во мгле,
И звонко жолудь падает на травы
И припадает к матери-земле.

Прикрытый тёплой почвою родною,
Спокойно, мощно он начнёт свой рост.
И сладко будет прорастать весною
Корнями — вглубь, верхушками — до
звёзд.

1941

* * *

Живёшь ли? Оглянись! Пора!
И не согнула ль жизнь в подкову?
Когда ты в закрома добра
Зерно ссыпашь, не полову,
Когда не трутней, а детей
Ты кормишь мёдом и пергою¹,
Когда с утра готов ты к бою
И в грозном громе батарей,
Который миру — мир несёт,
Прольёшь ты свой кровавый пот, —
Тогда — живёшь!

1942

¹ *Перга* — пыльца, собираемая пчелами.

СОДЕРЖАНИЕ

Стельмах. А. Адалис	3
-------------------------------	---

1. В моём краю

Украине	7
Поле	8
Краса моя	9
Боец	10
Мой дом	11
Ты не спрашивай	12
Битва	13
Я раненый лежал	14
Сентябрьский путь	15
На чёрный холм	16
На пепелище	17
Сестре	18
Снега забелели	19
Чайка	20
Быть может, в полночь	21
В моём краю	22
Будет лютый бой грозовый	23
Я возвращусь	24
Золотая осень	25
Днепр	26
Радость-земля	27
Еще добра и света будет много	28
Вишня зацвела	29
Украине вольной жить!	31

2. Думы и песни

Дума про пахаря	32
Прощанье	35
Казак Григорий Триволя	38
Застольная	41

Казачий запев	42
Три запева	43
Партизанская	44
Сын идёт на Украину	45
Величальная	47
Колыбельная	48
Веснянка	49
Купальская	50
Петровчанские	51
Щедровка	52
Телята (Полесская песня)	53

3. Родня

Смолокуры	54
В лесах Полесья	57
На пасеке	60
Плотник	62
Родня	63
Садовник	65
Шорник	66
На плотах	68
Зимой	70
В родных местах	72
Возле мельницы	74
Мать	75
Село моё	77
Тётушка	79
Старуха	81
Пасечник	82

4. Половодье

Тебе, весна!	84
Март	86
Апрель	87
Кто же почует	88
Веснянка	89
Лето	90
Как будто гуси, табунами	91
Проходит день	92
Тревожатся лебеди	93
Ночью	94
Осень	95
Зимняя ночь	96

5. Зерно

Зерно	97
Подсолнух	98
Жолудь	99
Живёшь ли?	100

Редактор А. Адалис

Подп. к печ. 6/VII—1944 г.
А7888. Тираж 10 000.

3¼ печ. листа. 2,5 уч. авт. л.
Заказ № 75. Цена 3 р.

2-я тип. изд-ва «Московский
большевик», Москва,
Петровка, 17.

283537

